

КАК РАБОТАЕТ И КАК НЕ РАБОТАЕТ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ: МНОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

М.А. Поночевный

Аннотация. Статья посвящена анализу общей природы и особенностей функционирования исторического сознания. Историческая наука и труд профессионального историка рассматриваются в более широком контексте основных функций и механизмов исторического сознания, наряду с другими формами освоения опыта темпоральных изменений. Новизна работы обусловлена впервые проведенным в сравнительном ключе анализом и типологией адекватного и редуцированных типов исторического сознания, а именно мифологического, стихийного, стереотипного, постмодернистского, пассаистического и футуроцентристского. Статья учитывает как основные положения классических трудов, так и современный уровень научного знания в области методологии истории, теории исторического сознания и историографии. В работе сделан вывод о том, что методологическая рефлексия в историческом исследовании влечет за собой активацию имманентных механизмов исторического сознания, что возможно именно благодаря гуманитарной и культуроцентристской основе исторической науки. Метанарративная составляющая любого исторического повествования, в том числе и научного, неизбежна и не может не учитываться. Частое обращение к механизмам исторического сознания и рефлексия его средствами, характерная для людей или общностей с развитым сознанием истории, оттачивает и постоянно совершенствует их адекватное восприятие себя в настоящем, поддерживает их идентичность. Современная историческая наука в этом процессе играет важную роль, несмотря на дисциплинарное отграничение от универсально-исторических и футуристических построений.

Ключевые слова: историческое сознание, метанарратив, историописание, универсальная история, историк, темпоральная ориентация, факт.

Поночевный Максим Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории права Инженерно-технологической академии Южного федерального университета, 347922, г. Таганрог, ул. Чехова, 22, maponochevnyy@sfedu.ru.

HOW HISTORICAL CONSCIOUSNESS DOES AND DOES NOT WORK: MULTIPLE EXPERIENCE OF EXPLORATION OF TEMPORAL DIMENSION

M.A. Ponochevny

Abstract. This article analyzes the general nature and peculiarities of historical consciousness. The science of history and a professional historian are discussed in the broader context of the basic functions and mechanisms of historical consciousness, along with other forms of mastering experience of temporal changes. The novelty of the paper lies in a comparative analysis and typology construction of adequate and reduced types of historical consciousness, namely: mythological, spontaneous, stereotyped, post-modern, possessionist and futurocentric. The paper considers main provisions of classic works and a contemporary level of scientific knowledge in the field of methodology of history, theory of historical consciousness and historiography. It is concluded that methodological reflection in the historical research entails the activation of intrinsic mechanisms of historical consciousness, which is possible thanks to the humanitarian and culturocentric basis of the historical science. The metanarrative component of any historical narrative, including scientific, is inevitable and cannot be ignored. Frequent recourse to the mechanisms of historical consciousness and its reflection by community members continuously improve their adequate perception of themselves in the present and support their identity. Modern historical science plays an important role in this process, despite the disciplinary delimitation of the universal-historical and futuristic constructions.

Keywords: historical consciousness, metanarrative, the writing of history, universal history, historian, temporal orientation, fact.

По причине многочисленных трансформаций дисциплинарного формата, смены типов научной рациональности, дискуссий о критериях научности и приемлемой методологической базе, различных «вызовов» и «поворотов», постоянного изменения социально-политического контекста существования исторической науки и т. п.¹ потенциал и актуальный инструментарий современного историка не всегда в должной мере включает в себя достаточную и устойчивую теоретико-методологическую и историософскую базу. Это можно объяснить цитатой из Дж. Элтона: «философская обеспокоенность такими проблемами, как реальность исторического знания или природа исторического мышления, только препятствуют практике истории», – которая выражает обеспокоенность и некоторую усталость историков, вынужденных все больше времени и сил уделять этому кругу, казалось бы, вторичных проблем, отрываясь от своей непосредственной работы [цит. по: Мегилл, 2012, с. 31]. Между тем, при всей специфичности труд историка и его профессиональный вклад можно и нужно понимать как одну из многочисленных форм освоения и осмысления опыта темпоральных (от лат. *tempus, temporis* – «время») изменений в контексте более общего феномена – исторического сознания. Современная теория исторического знания видит научное знание о прошлом (историческую науку) на фоне целого спектра равноценных типов знания о прошлом социального мира вообще [Савельева, Полетаев, 2007, с. 59]. Этот контекст становится видимым в расширенных рамках социальной философии и теории историописания. Именно такой ракурс позволяет, не отрываясь от актуальных проблем собственно исторической науки, лучше уяснить ее специфику, избежать поверхностного или неясного понимания фундаментальных для всякого историка вопросов. Не менее актуален такой анализ и в плане преподавания истории, поскольку он поможет удержать обучающихся от неверного представления об истории как науке и как учебной дисциплине, упрощенного понимания ее связи с фундаментальными механизмами функционирования сознания человека и социума.

Дискуссия о том, является ли историческое сознание особой формой развития сознания или его свойством, атрибутом не имеет фундаментального характера и уместна лишь в узком контексте. В своем развитии сознание, будь то сознание отдельного человека или общественное сознание, идет рука об руку с развитием способности к темпоральной организации человеческого опыта. Темпорализация позволяет связать приобретенный опыт с процессом пережитых ранее изменений и объяснить его пригодность в настоящем и выборе позиции в отношении будущего. Можно с уверенностью говорить, что сознание истории присуще человеческому сознанию вообще как его имманентная составляющая, но так же, как и мышление, речь, пространственная ориентация, освоение времени пришло к своей развитой форме далеко не сразу. По этой причине можно говорить и о том, что историческое сознание – это еще и определенная степень зрелости сознания, характеризующая

¹ Наиболее знаковые и фундаментальные с методологической точки зрения трансформации обзорно и наглядно приведены в ряде работ: [Репина, 2012, с. 5–14; Могильницкий, 2012, с. 14–24].

его как сознание, достигшее адекватного механизма рефлексии об опыте изменений во времени. Выделение в сознании людей двух категорий: прошлого и будущего – отделенных от изначальной категории настоящего, очевидно, стало отправной точкой в этом процессе. Способность удерживать в сознании одновременно категории прошлого и будущего при онтологической функции этой процедуры создала условия для накопления опыта прошлого и на его основе построения своей деятельности в настоящем. Историческое сознание, мыслящее бытие-в-становлении (постоянство и изменение вместе, а не порознь), постепенно стало легитимным источником динамизма для последующего развития человечества [Marcus, 1962, р. 31–32]. История увязывает всю цепочку отдельных состояний изменяющегося бытия. Тем самым она постоянно поддерживает идентичность сознания и не позволяет ему распадаться на несвязанное бесконечное число состояний, не сознающих связи между собой. Ведь ничто не находится в стагнации, и субъект, постоянно изменяясь, вполне может не узнать себя. Единство сознания вообще потому и возможно, что историческое сознание фиксирует, что каждое новое его состояние – это не чужое сознание, а свое, но претерпевшее какое-либо изменение, при этом сохранившее нечто от старого. По словам Й. Рюзена, единый мыслительный механизм и единая культурная практика применяются всеми культурами: интерпретация изменений и наделение их смыслом и значением для целей человеческой деятельности [Rüsen, 2007, р. 8]. А это и есть не что иное, как стратегия построения истории. Эту мысль конкретизирует в своем исследовании Б.Г. Соколов, который приводит в пользу смыслополагания истории как обязательного атрибута исторического сознания убедительный довод. Согласно его аргументированным выводам, «человеческая экзистенция понимает, и поэтому история, как горизонт времени истории, включена в сферу понимания и смысла. Отсюда тот момент, что история как таковая всегда оказывается наделенной смыслом. История не может быть не понятой, она всегда включена в смысл» [Соколов, 2004, с. 118]. Формой объективного выражения этого уловленного единства, постоянного и изменяющегося, воспоминаний и устремлений выступает исторический нарратив – повествование, в котором средствами связности текста обеспечивается связность темпорального измерения человеческого опыта.

Однако процедура осмысления темпоральных изменений, охваченных историческим повествованием, является более сложной, чем кажется на первый взгляд. Ведь для выполнения историческим сознанием своих основных функций этот смысл должен стать незыблемым. Как и почему он может стать таким для рассказчика, который только и сделал, что перевел свой временной опыт в рассказ? Почему этот смысл должен стать убедительным для слушателей, если, например, он затрагивает и контекст их микроисторий нитью более общего смысла? Смысл, в идею которого не верят, не лучше, чем смысл, которого нет вовсе. Вот этой необходимостью и объясняется существование так называемых метанарративов – всеобъемлющих средств легитимации, метарассказов, обеспечивающих обоснование. В данном случае эти средства обеспечивают обоснование идеи, заложенной в процедуру наделения опыта темпоральных изменений смыслом. Исторический нарратив обязательно требует своего помещения в дополнительный контекст: смысла,

времени и верификации. В смысловом аспекте он требует легитимации, дополнительных средств обеспечения веры в свой смысл, иначе он не выполнит свою онтологическую миссию. В хронологическом аспекте нарратив тоже не может мыслиться как стихийно помещенный в осмысление времени отрезок близкого прошлого, настоящего и будущего. Античные исторические нарративы, чувствуя этот дефицит в условиях не вполне развитого исторического сознания², уже не могли обойтись без этого легитимирующего фундамента и восполняли эти временные лакуны мифологией, которая давала нарративу гораздо более долгий временной контекст, привязывая его ближайшее прошлое к божественному прошлому. В плане верификации историческое повествование должно быть основано на фактах, установленных таким способом, который признан рассказчиком, его средой и эпохой, как исключаящий ложь и существенную ошибку.

Метанарратив, по мнению Й. Рюзена, является способом представления единой значимой тотальности времени, связывающей опыт перемен с человеческими целями и ценностями. Важно понять, что этот способ продолжения человека, его мира и опыта во времени является доминирующим и укорененным в культурной среде рассказчика, он «произрастает» из нее самой [Rüsen, 2007, p. 8]. Б.Г. Соколов в кантианской традиции тоже выводит данную процедуру из культурно детерминированных категорий восприятия времени и других априорных форм, заложенных в историческом типе сознания [Соколов, 2001, с. 89]. Поэтому смысл можно назвать «извлеченным» из опыта темпоральных изменений лишь отчасти, поскольку он не в меньшей степени может рассматриваться как «наложенная» культурной средой неизбежная матрица, через которую эти изменения осмысляются.

Наиболее развитым метанарративом, известным нам благодаря новоевропейской культуре, явилась универсальная история как продукт длительной эволюции христианского провиденциализма и сменивших его секуляризованных картин философии истории. Особый характер традиции мыслить историю в универсальном ключе объясняется тем, что подобные модели охватывали широчайший хронологический и смысловой контекст, претендуя на общезначимость. Таким образом, своим авторитетным метанарративом (которым могла быть и христианская идея движения истории через ее ключевые точки, и идея развития и самопознания абсолютной идеи, и концепция развития производственных отношений на фоне смены формаций, и тезис продвижения к торжеству либерализма, и даже популярная сегодня перспектива действия человечества как космической преобразовательной силы) эта размерность исторического сознания охватывала все локальные микроистории, которые должны были быть объяснены в рамках более общей идеи. Универсальная история была тесно связана с империей как особой формой государства, получая от развития империй эмпирическое подтверждение.

² Специфическую античную субстанциальность как неспособность исторической мысли той эпохи в полной мере проследить развитие и передать опыт темпоральных изменений отмечал в числе многих, например, Р. Коллингвуд [Коллингвуд, 1980, с. 43–45].

Но если в Средние века и Новое время историк вполне позволял себе видение и написание истории в универсальном формате, то постепенно его взгляд на историю становится совершенно другим. Д. Кристиан, например, отнес к главным факторам угасания универсально-исторической модели следующие: становление национальных государств, сделавших историю полем для отстаивания собственной идентичности (эту причину называют и другие авторы); усиливающееся стремление к поиску историей канонов «строгой научности» на фоне позитивистского «бума» естественных наук; «быстрая институционализация ранкеанских методов в образовании и исследовании» [Christian, 2010, p. 6]. Следует отметить, что первая причина действительно сделала школьный курс истории инструментом создания национальной идентичности и сильно влияла на историческую науку своих стран, стремясь использовать ее в своих целях и усиливая ее «пристрастность... особенно в тех странах, где творение истории государства предшествовало созданию самого государства» [Савельева, Полетаев, 2007, с. 190].

Безусловно, и сегодня историки не перестают видеть единство истории человечества. Это особенно актуально в эпоху глобализации, усиливающей взаимозависимость и взаимоуязвимость различных компонентов человечества. О.М. Медушевская высказывает присущее большинству историков мнение, что «есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука — история, ее объект мыслится как адекватный человеку» [цит. по: Миронов, 2011, с. 142]. Эта же идея лежит и в основе активно разрабатываемого сегодня направления «Большая (по масштабу охвату) Универсальная история», осмысляющего историю человечества как космической и экологической преобразовательной силы в традициях В.И. Вернадского и Д. Кристиана. Представляется уместным использовать здесь когерентную схему Ч. Мегилла, который показывает, что на смену установке историков о том, что универсальная история существует и может быть написана, пришла позитивистская установка о том, что она существует, но может быть написана позже, после необходимых исследований (сбора и установки всех фактов), а затем и установка-скепсис по поводу того, может ли она быть вообще написана [Мегилл, 2004, с. 26, 31–35]. И если универсальная история как формат осмысления возможна сегодня, то лишь в рамках философского знания, поскольку она давно вытеснена за дисциплинарные границы истории как науки.

Здесь уместно сказать несколько слов о формате современной истории как науки. Труд историка-профессионала был и остается одним из важных видов освоения темпорального опыта. Специфика этого научного предприятия особенно видна в общей перспективе работы исторического сознания. Становление «ранкеанской» (сфокусированной на установлении конкретно-исторической фактологии и отделенной от футуристических и универсально-исторических схем) модели исторического исследования и дисциплинарная фиксация целого ряда социально-гуманитарных наук, присвоивших себе функцию обобщений и прогнозов на основе анализа добытого историей материала, сформировало современную историю как

научную дисциплину, которая занимает весьма обозримый и понятный сектор. Работа по осмыслению опыта темпоральных изменений сегодня разбита на сектора и основана «на разделении труда» между социальными науками³. Стандарты научности современного исторического познания, вне сомнений, представляют собой необходимый метанарратив, который обусловлен современным типом научной рациональности и сложившимся представлением о дисциплинарных границах истории. Анализируя основные принципы современной методологии научного исследования, можно говорить о том, что история как наука, даже работая в формате «small-scale» без широких обобщений или, напротив, сосредотачиваясь на анализе структур, все равно работает в рамках исторического сознания. Строго говоря, она реконструирует часть прошлого, на первый взгляд, не ставя своей целью работать в русле исторического сознания, то есть как-то связывать его с настоящим или извлекать опыт изменений. При этом, однако, исследователь должен четко осознавать специфику контекста изучаемой эпохи, ее структур, реального и воображаемого, и по возможности применять к ее оценкам ее же исходные категории, а не современные категории, пусть и в «объективированных» формах. Тем самым, историк вольно или не вольно устанавливает не только факты прошлого, но и их удаленность от настоящего момента, как минимум, от среды и эпохи самого исследователя. Часто эта работа имеет более сложную схему и требует рефлексии по поводу времени и среды самого исследователя, времени и среды автора изучаемого источника, времени и среды описываемых в источнике событий. Работы по теории истории фокусируются на этой особенности труда историка: ведь он одновременно работает с «временем 1» и «временем 2», используя для анализа первого категории понимания времени, исторического процесса, структур, укорененные во втором [Савельева, Полетаев, 2007, с. 60–69]. Вклад школы Анналов, особенно ее последних поколений, только усилил акцент на понимание специфики исследуемой эпохи во всех ее проявлениях на фоне настоящего. Тем самым, историк никогда не добывает «пассивные» факты прошлого, что могло бы подтвердить отдаленность научной истории от функций и механизмов феномена исторического сознания вообще. Наоборот, элементы прошлого всегда устанавливаются здесь на фундаменте настоящего, специфику которого историку необходимо сознавать как можно лучше, чтобы учесть этот неизбежный «шум» в реконструируемой картине прошлого. Тем самым современный методологический анализ особенностей исследуемого предмета и субъективной нагруженности исследовательского инструментария всегда оттачивает «разность потенциалов» как минимум двух времен, неизбежно влечет за собой активацию механизмов исторического сознания. Прерогатива делать какие-либо прогнозы либо так или иначе связывать добытую информацию с категориями будущего сегодня оставлена в большей степени социальной философии, социологии и политологии, акцент которых менее центрирован на прошлое, а более привязан к настоящему и ближайшему будущему, хотя эмпирический материал эти науки почти всегда берут из истории.

³ Подробнее о темпоральной специализации наук см.: [Савельева, Полетаев, 2007].

Но предсказание будущего, немислимое для современного историка и невозможное с научной точки зрения в условиях того, что слишком большое количество факторов влияют на исход каждого события и процесса, не является и делом адекватного исторического сознания вообще. Предсказание будущего не является и не может являться функцией исторического сознания. И дело здесь не только в том, что какая-то часть прошлого не может быть восстановлена, и в силу этого историческое сознание при формировании перспективы будущего неизменно даст сбой. Так же, как физики в отдельных случаях обращаются к идеальным моделям вроде идеального газа, мы можем представить, например, «абсолютно известное прошлое» какого-либо узкого объекта рефлексии, например, отдельного человека. Предположим, что абсолютно все факты его биографии, а также связанные с ними события и явления его эпохи, в том числе и те, которые не были известны ему лично, установлены. Невозможность предсказывать будущее сохранится даже в такой гипотетической ситуации «абсолютно известного прошлого». Есть несколько основных причин этого. Во-первых, историческое сознание объективируется в повествовательную форму только в процессе интерпретации, которая всегда несет на себе отпечаток того, кто интерпретирует, какие языковые средства и принятые термины для этого использует, и зависит в большей степени не от самих собранных фактов, а от характера принятого метанарратива – сердца любой рассказанной или написанной истории. Да и само представление о факте, как о вещи, «объективно» говорящей самой за себя, сегодня существенно скорректировано и не может восприниматься всерьез. Во-вторых, едва ли сегодня кто-либо из гуманитариев будет игнорировать специфику социально-гуманитарного знания, по-позитивистски уподоблять его естественным наукам, как это было когда-то. Сами по себе установленные факты всегда несут в себе субъективный отпечаток того, кто и каким путем их устанавливал. Даже в строго научном исследовании можно лишь уменьшить субъективную составляющую исследования и приблизиться к «объективному ядру», руководствуясь конвенционально принятыми принципами и нормами исследовательской деятельности, но элиминировать эту составляющую нельзя в принципе. Здесь дело в самой специфике социально-гуманитарного знания, в особенностях субъекта, объекта исследования и субъект-объектных отношений, которые не могут не приниматься во внимание при современном типе научной рациональности. В-третьих, далеко не все элементы социальной реальности прошлого могут быть установлены однозначно в равной степени. В силу локальности и невоспроизводимости большинство человеческих действий имеют «ограниченную интересубъективность».

В этой связи следует рассказать о возможных вариантах неадекватного функционирования исторического сознания. Их полная картина также может показать весь спектр сложных отношений и связей между историческим повествованием и его метанарративом. В случаях, когда наблюдается сбой в механизмах исторического сознания, причиной этого выступает осознанное или неосознанное искажение темпорального опыта на стадии его восприятия или интерпретации. Искражение на стадии восприятия темпорального опыта в силу названных выше причин так же неизбежно в историческом познании, как и погрешность измерений в технических

науках. Оно имманентно самому гуманитарному познанию, поэтому не имеет смысла выделять какие-либо устойчивые типы искажения темпорального опыта на этой стадии. Не представляет интереса и сознательное искажение полученной информации в угоду одному из тех мотивов, которые уже были интуитивно ясны историкам от Полибия до Ш. Сеньобоса задолго до наших дней. Особое внимание нужно обратить на анализ тех ситуаций неадекватного функционирования исторического сознания, в которых ключевая причина сбоя кроется в дефекте метанарратива, часто неосознанном. Здесь можно говорить уже о целых типах функционирования исторического сознания, которые хотя и представляют собой его искаженные варианты, но выступают достаточно устойчивыми и распространенными способами темпоральной ориентации так же часто, как в практике биологов здоровые организмы соседствуют с нездоровыми.

Самым древним типом неадекватного функционирования исторического сознания выступала мифология. Несомненно, он предшествовал историческому сознанию как таковому в ту эпоху, когда человеческие общности не были готовы к тому, чтобы открыто воспринимать постоянную изменчивость этого мира [Леви-Строс, 1994, с. 321]. Во многом это является одной из характерных черт первобытного сознания, и наличие, например, у многих народов космогонических мифов или мифов о происхождении человека или племени несколько не меняет присущего им темпорального страха. Для них иллюзия неизбежности данной формы бытия гарантировала желанное ощущение стабильности и применимости всех их ответов, отраженных в мифе, а всякое изменение не воспринималось, поскольку несло в себе опасность. Ощущение единства идентичности здесь достигалось не усвоением категории становления в неразрывной привязке с бытием, а игнорированием становления как такового. В освоении времени человек не сразу решился открыто смотреть во всю его глубину и неумолимость [Рефуле, 1986, с. 49]. Так же и в освоении пространства человек не сразу научился переплывать океаны. Легендарные греческие мореплаватели вначале и путешествие по Черному морю воспринимали как полное опасностей предприятие. *Мифологический* метанарратив работает как определенный фильтр, который нивелирует изменения и подчеркивает субстанциональность данной формы бытия. Разумеется, что такой способ темпоральной ориентации не давал сколько-нибудь существенной возможности человеку или обществу создавать устойчивое и значимое единство своих воспоминаний, ожиданий и устремлений. Во всяком случае он был адекватен особенностям мифологического мышления [Петров, 1992, с. 20–21], а потому наиболее авторитетен в качестве средства легитимации.

Ученые нередко находят примеры того, как миф продолжает жить в массовом сознании или сознании отдельных людей и поныне. То же можно сказать и о его продолжении – распространенном сегодня втором типе искажения исторического сознания, который является продолжением уже названного. Этот тип может быть условно назван *стихийным*. Он имеет очевидную близость с мифическим типом освоения темпорального опыта: их сближает осознанное нежелание интерпретировать изменения, наделять их смыслом. В более древней форме (мифологической

форме) метанарратив сводил изменения к нулю, объясняя все неизменностью существующего опыта. В более поздней форме (стихийной) скорость происходящих изменений нередко парализует историческое сознание, которое уже может фиксировать происходящие изменения, но при этом не наделяет их смыслом. Объяснить это можно тем же темпоральным страхом, неразвитостью метанарративной идеи, которая связана с культурной средой интерпретатора (время вакуума – поиска обществом новой авторитетной идеи на смену старой), либо разочарованием в деле осмысления происходящих изменений. Более глубокие причины таких явлений можно объяснить двумя подходами. Во-первых, П. Нора убедительно пишет об особенностях самой современной эпохи, как времени, когда настоящее исчезает, то есть, выражаясь исходными терминами статьи, наблюдается постоянное становление без бытия, изменение без постоянства [Нора, 2005]. Разумеется, в условиях такой скорости изменения мира крайне сложно воссоздать искомое единство «бытия-в-становлении». Если в мифической форме отсутствовало признанное становление, то здесь теряется само бытие. Во-вторых, определенные причины могут заставить интерпретатора отказаться признавать за темпоральными изменениями какой-либо смысл и принудить его абсолютизировать их стихийный характер без попыток какого-либо осмысления. Вспомним объяснение А.Я. Гуревичем художественных особенностей средневекового искусства, которые проистекали из самих категорий средневековой культуры. Для человека или общества с таким типом искажения исторического сознания нехарактерны использование его потенциала, рефлексия по поводу опыта темпоральных изменений, отсутствует связь воспоминаний о прошлом и устремлений на будущее через ось настоящего. Такой тип представляет носителю гораздо менее комфортный, хотя и более правдивый, чем миф, образ восприятия проистекающих во времени изменений, но идентичность сознания в этом случае находится под большой угрозой.

Стереотипное искажение исторического сознания существенно отличается от первых двух типов, поскольку оно связано с полным раскрытием потенциала исторического сознания, а не с его редукцией или парализацией. Такой тип искажения формируется в случае, когда метанарратив успешно выполнял свою функцию длительное время (для микроистории человека это может быть значительная часть его жизни, для макроистории – поколения и целые века), увязывал происходящие изменения цепью смысла, что подтверждалось наблюдениями последующих событий. Такие события только подтверждали авторитетность избранного метанарратива и тем самым рано или поздно привели к тому, что он «забронзовел». Он стал авторитетным настолько, что перестал учитывать те факты и изменения, которые ему противоречат, всё время репродуцируя свою объяснительную модель и подчеркивая ее потенциал, применимый для интерпретации будто бы для всех происходящих изменений. Как пишет П. Фейерабенд, «возникает подозрение, что достигнутый успех обусловлен тем, что за время своего развития теория постепенно превратилась в жесткую идеологию... а эмпирическое “свидетельство” может быть создано некоторой процедурой, которая получает оправдание в том самом свидетельстве, которое сама же создает» [Фейерабенд, 1986, с. 175–176]. Так же происходит и с доминирующей моделью исторической интерпретации, которая

в силу исключительной авторитетности своего метанарратива может либо не допускать самого оформления противоречащих фактов, либо открыто их игнорировать. Так было, например, с различными универсально-историческими схемами и концепциями, которые долго «подпитывались» эмпирическими данными от истории доминировавших западных империй или падением социалистических режимов. В итоге они просто отказывались признавать факты, идущие вразрез с их схемами. Так, историческое сознание, нацеленное на осмысление опыта истории миграций, достаточно часто увязывалось метанарративом ксенофобии, потому что действительно многочисленные факты миграций сопровождались крупными столкновениями и трагедиями. Эта идея в древности и средневековье многократно подтверждалась эмпирическими наблюдениями за будущими событиями, поэтому стала для многих народов стереотипом. В силу этого во многих обществах появление мигрантов может и сегодня восприниматься настороженно, хотя, разумеется, это далеко не всегда может в реальности соответствовать тому смыслу происходящих изменений (появление новых людей), который отражен в стереотипном метанарративе. Например, в России XVII века отношение к Немецкой слободе всегда было настороженным при отсутствии какой-либо реальной опасности, исходящей от нее в допетровскую эпоху.

Продолжим описание типов искажения исторического сознания, остановившись на одном из наиболее поздних. Этот тип стал результатом новых явлений в духовной жизни второй половины XX века. В это время формируется *постмодернистский* взгляд на историю и на исторический нарратив вообще. Общее для этого течения «недоверие к метанарративам» по сути само сформировало новый метанарратив, особенность легитимации которого заключалась в признании самих исторических повествований самодостаточными и акценте на «языковых играх» самой формы объективации исторического сознания. Парадокс заключается в том, что этот новый формат метанарратива возник как результат борьбы с авторитетными метанарративами, подгоняющими факты и отдельные истории под себя. Однако сам по себе он претендовал на общезначимость и не меньшую роль, чем старые метанарративы. Анализ постмодернистского взгляда на историю в контексте всех форм освоения темпоральной размерности не дает оснований выделять его особо, поскольку тезис о самодостаточности нарратива, который не нуждается в метанарративе, тоже есть способ его легитимации, обусловленный авторитетными для определенного времени и культурной ситуации идеями. То есть это всего лишь очередная метанарратив, безусловно, сужающий потенциал исторического сознания.

В числе, несомненно, искаженных форм функционирования исторического сознания можно, используя термины Ф. Артога, назвать *пассеизм* и *футуроцентризм*. Это типы исторического сознания, радикально смещающие его баланс либо в сторону прошлого, либо в сторону будущего. Первый уделяет повышенное внимание установлению связи между прошлым и настоящим и отражением этого в опыте с помощью интерпретации произошедших событий, но при этом оставляет без внимания ожидания и устремления. Второй, напротив, сосредоточен на интерпретации ожиданий и устремлений, олицетворяющих темпоральную ориентацию для действия

и преобразования настоящего, но не выводит ее из опыта уже прошедших изменений. Так, Ф. Артог говорил о христианском режиме историчности, визитной карточкой которого была его футуроцентричность, которая до Нового времени даже не старалась связаться с процессом осмысления темпорального опыта, не была процессуально «темпорализована». Она мыслилась как последовательность ключевых точек истории, объясняемых будущим [Артог, 2007, с. 8–19]. Каждый из этих двух типов сам по себе тоже может говорить о неадекватности механизмов исторического сознания, поскольку первый представляет крепкие корни без ветвей, второй – плоды и ветви без крепких корней. Но сегодня науки разделились так, что специализируются на своем секторе работы исторического сознания, а добытые ими результаты дополняют друг друга.

Стремление приблизиться к объективному знанию о прошлом не прекращается у современных историков. Верное понимание того, как работает историческое сознание, отнюдь не девальвирует функцию истории как науки. Стремление научно устанавливать факты прошлого, пытаясь в реконструкции максимально приблизиться к реальности прошлого, осознавая ее отличие от структур и реалий настоящего, дает основу для последующей верной темпоральной ориентации.

Развитое и эффективно функционирующее историческое сознание характеризуется вовсе не тем, что обязательно «извлекает уроки» из своего и чужого опыта в формате построения микро- или макронарративов. Его особенность заключается лишь в постоянной рефлексии по поводу своего и чужого опыта темпоральных изменений, при этом вывод о применимости опыта таких нарративов может часто быть отрицательным. Й. Рюзен на прекрасном примере восприятия шотландской легенды выделяет, например, четыре типа исторического сознания: традиционный – с обязательным принятием наших ценностей как исторически предзаданных, примерный – с принятием вневременных общих правил и принципов, критический – отрицающий полезность и обязательность конкретного исторического опыта для ценностной ориентации сегодняшнего дня, генетический – принимающий опыт прошлого с преобразованием его смысла в актуальные сегодня формы [Rüsen, 2004, p. 63–86]. Действительно, работа исторического сознания не гарантирует, что из любого опыта должен извлекаться «урок», полезный в настоящем или будущем. Отрицательный результат – вердикт о неприменимости конкретного опыта к данной ситуации или состоянию – здесь не менее важен, чем положительный, поскольку частое обращение к механизмам исторического сознания и рефлексия его средствами, характерная для людей или общностей с развитым сознанием истории, оттачивает и постоянно совершенствует их адекватное восприятие себя в настоящем, осознание себя на фоне специфики других субъектов или своих же прошлых состояний. Она же гарантирует защищенность их идентичности от распада на несвязанную последовательность состояний сознания во времени, от необоснованного принятия или отвержения чужого исторического опыта без достаточных оснований. Методологически выверенная работа ученого-историка в этом процессе играет важную роль. Она свободна сегодня от футурологических построений и универсально-исторических схем, менее свободна от политического

и национального контекста, совсем не свободна от неизбежных ценностных и субъективных черт гуманитарного познания. Все это позволяет ей сосредоточиться на установлении и интерпретации темпоральной связи между прошлым и настоящим, которая как раз и возможна благодаря тому, что нередко считалось недостатком истории на фоне «объективных» естественных наук. Именно гуманитарная (историю и творят, и пишут люди, живущие в мире ценностей) и культурцентристская (антинатуралистическая исследовательская программа) составляющие исторической науки сохраняют ее первостепенное значение в адекватном функционировании исторического сознания. Адекватное функционирование исторического сознания нередко сосуществует с редуцированными его формами, но их потенциал значительно слабее, поэтому указанную функцию они выполняют не в полной мере или с большим искажением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Артог Ф. *Времена мира, история, историческое письмо* // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 1. С. 22–35.
- Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. 486 с.
- Леви-Строс К. *Первобытное мышление*. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Мегилл А. «Великий нарратив» и историческая дисциплина // *MONSTERA: (Философские проблемы социально-гуманитарного знания): Сб. науч. ст.* Вып. 4. М.: МГТУ-«МАМИ», 2004. С. 22–55.
- Мегилл А. Роль теории в историческом исследовании и историописании // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы*. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 24–41.
- Миронов Б.Н. Новая апология истории. (Размышления над книгой О. Медушевской) // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 139–148.
- Могильницкий Б.Г. Актуальные проблемы методологии истории в зеркале современной историографической революции // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы*. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 14–24.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 15.05.11).
- Петров М.К. *Самосознание и научное творчество*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 272 с.
- Репина Л.П. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // *Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы*. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. С. 5–14.
- Рефуле Ф. *Миф и история* // *Символ*. 1986. № 15. С. 43–51.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. *Теория исторического знания*. СПб.: Алетейя, 2007. 523 с.

Соколов Б.Г. Гипертекст истории. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 193 с.

Соколов Б.Г. Генезис исторического сознания в новоевропейской культуре: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2004. 367 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.

Christian D. The return of universal history // *History and Theory, special issue on "History and Theory: The Next 50 Years"*. 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 6–27.

Marcus J.T. The consciousness of history // *Ethics*. 1962. Vol. 73. № 1. P. 28–41.

Rüsen J. Making sense of time. Toward a universal typology of conceptual foundations of historical consciousness // *Time and history: the variety of cultures*. New York, Oxford: Berghan Books, 2007. P. 7–18.

Rüsen J. Historical consciousness: narrative structure, moral function and ontogenetic development // *Theorizing historical consciousness*. Toronto: University of Toronto Press, 2004. P. 63–85.

REFERENCES

Hartogue F. Vremena mira, istorija, istoricheskoe pis'mo [Times of world, history, historical writing], in: *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. Vol. 1. P. 22–35 (in Russian).

Collingwood R.G. *Ideja istorii. Avtobiografija* [Idea of history. Autobiography]. M.: Nauka Publ., 1980. 486 p. (in Russian).

Lévi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [The savage mind]. M.: Respublika Publ., 1994. 384 p. (in Russian).

Megill A. «Velikij narrativ» i istoricheskaja disciplina ["Great narrative" and historical discipline], in: *MONSTERA: (Filosofskie problemy social'no-gumanitarnogo znanija): Sb. nauch. st.* [MONSTERA: (Philosophical problems of social sciences and humanities): collection of articles]. Vol. 4. M.: MGТУ-«MAMl» Publ., 2004. P. 22–55 (in Russian).

Megill A. Rol' teorii v istoricheskom issledovanii i istoriopisanii [The role of theory in historical research and historical writing], in: *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, perspectives]. M.: LKI Publ., 2012. P. 24–41 (in Russian).

Mironov B.N. Novaja apologija istorii (Razmyshlenija nad knigoj O. Medushevskoj) [New apology of history (Reflections on the book by O. Medushevskaya)], in: *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. Vol. 1. P. 139–148 (in Russian).

Mogil'nickij B.G. Aktual'nye problemy metodologii istorii v zerkale sovremennoj istoriograficheskoj revoljucii [Actual problems of methodology of history in the mirror of contemporary methodological revolution], in: *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, perspectives]. M.: LKI Publ., 2012. P. 14–24 (in Russian).

- Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati [The worldwide triumph of memory], in: *Neprikosnovennyj zapas*. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (available at: 15.05.2011) (in Russian).
- Petrov M.K. *Samosoznanie i nauchnoe tvorcestvo* [Self-awareness and scientific creative work]. Rostov-on-Don: RGU Publ., 1992. 272 p. (in Russian).
- Repina L.P. Situacija v sovremennoj istoriografii: obshhestvennyj zapros i nauchnyj otvet [Situation in contemporary historiography: public inquiry and scientific answer], in: *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, perspectives]. M.: LKI Publ., 2012. P. 5–14 (in Russian).
- Refule F. Mif i istorija [Myth and history], in: *Simvol*. 1986. Vol. 15. P. 43–51 (in Russian).
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Teorija istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 2007. 523 p. (in Russian).
- Sokolov B.G. *Gipertekst istorii* [Hypertext of history]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo Publ., 2001. 193 p. (in Russian).
- Sokolov B.G. *Genezis istoricheskogo soznaniya v novoevropejskoj kul'ture. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filosofskih nauk* [The genesis of historical consciousness in modern European culture. The thesis for the degree of Doctor of Philosophy]. Saint Petersburg, 2004. 367 p. (in Russian).
- Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow: Progress Publ., 1986. 520 p. (in Russian).
- Christian D. The return of universal history, in: *History and Theory, special issue on "History and Theory: The Next 50 Years"*. 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 6–27.
- Marcus J.T. The consciousness of history, in: *Ethics*. 1962. Vol. 73, № 1. P. 28–41.
- Rüsen J. Making sense of time. Toward a universal typology of conceptual foundations of historical consciousness, in: *Time and history: the variety of cultures*. New York, Oxford: Berghan Books, 2007. P. 7–18.
- Rüsen J. Historical consciousness: narrative structure, moral function and ontogenetic development, in: *Theorizing historical consciousness*. Toronto: University of Toronto Press, 2004. P. 63–85.